

ПОДЛИННИКИ БЕНУА, ПЕТРОВА-ВОДКИНА, КУСТОДИЕВА, САМОХВАЛОВА, АКИМОВА ТЕПЕРЬ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ

Зал второй

В противовес первому залу, демонстрирующему разнообразие направлений и имен, это пространство объединено одной титанической личностью — Георгием Товстоноговым, возглавлявшим БДТ 33 года (1956 — 1989). От «Эзопа» (1957), принесшего театру первый большой успех после нескольких лет кризиса, к сценическим шедеврам рубежа 1950 — 1960-х «Идиот», «Пять вечеров», «Варвары», «Горе от ума», когда БДТ переживал свой золотой век, став первым театром страны; и до последней постановки Товстоногова «На дне» (1987). Горьковская пьеса здесь, как и в первом зале, замыкает экспозицию. Но спектакль «На дне» 1944 года отразил катастрофу сознания после блокады (БДТ вернулся из эвакуации первым из ленинградских театров, в 1943 году, когда блокада еще не была полностью снята, и вскоре приступил к работе над пьесой Горького). А в «На дне» конца 80-х как бы предощущался уход Мастера и «конец великой эпохи».

Для Товстоногова всегда первостепенными были пьеса и актер. Вот почему в этом зале обращает внимание не на эскизы (так, по крайней мере, можно говорить о спектаклях, поставленных до сотрудничества с Кочергиным), а на фотографии актеров в ролях. Хочется подолгу рассматривать крупные планы: одухотворенный облик князя Мышкина — Иннокентия Смоктуновского, необыкновенные по лиричности портреты Зинаиды Шарко — Тамары из «Пяти вечеров»... Вот Монахова — Татьяна Доронина и Павел Луспекаев — Черкун с их чувственным притяжением друг к другу; а это — молодой и дерзкий Чацкий Сергея Юрского...

«Пять вечеров». Зинаида Шарко и Ефим Копелян; эскиз к спектаклю.

Программа с автографом блокадного времени.

Витрина «Три сестры»: видны два платья, третье просматривается на заднем плане.

В одном из уголков разместились предметы старинного интерьера из «Мещан», сохранившийся костюм Людмилы Макаровой — Елены. В другой витрине — шарманочка из «Ханумы» и костюм той же Макаровой, сыгравшей сваху. Из костюмов чеховских трех сестер, которых играли Шарко, Доронина и Эмма Попова, сохранилось только два платья. Они стоят в витрине на фоне эскиза Софьи Юнович к этому спектаклю; и когда кто-то спрашивает, где же третья сестра, авторы экспозиции отвечают: «А вот она, на дальнем плане», — указывая на живописную фигурку, виднеющуюся между двух платьев.

Как заметила Надежда Хмелева, Товстоногов говорил, что раньше он сам любил сочинять к своим спектаклям декорации — до тех пор, пока в театр не пришел Эдуард Кочергин: «До встречи с Эдуардом Степановичем Товстоногов не считал работу художника в театре важной и нередко ставил в союз с весьма средними сценографами». Многолетней работе Кочергина в БДТ авторы экспозиции уделили огромное внимание, выставив макеты, репродукции эскизов и создав в центре зала инсталляцию в честь «Истории лошади», где блистал Евгений Лебедев. Эта инсталляция позволяет не только визуально оценить работу сценографа, но и буквально прикоснуться к ней: рядом с фотографиями, эскизами и костюмами выставлены долбленные ясли, наполненные овсом.

Зал третий

Он располагается между двумя основными залами; и это «между», этот рубежный смысл словно объединяет представленные здесь экспонаты. Они относятся к закулисной жизни театра, и сведения, которые тут можно почерпнуть, как раз и интересны тем, что выходят за рамки спектакля.

Фото солдат, которые отправляются на фронт прямо из партера БДТ. Программа военного времени, на которой кто-то

сделал пометку карандашом — о возвращении в Ленинград в 1943 году. Трогательная картина Александра Рыкова: артисты в эвакуации играют знаковый для БДТ спектакль «Слуга двух господ», выходя перед больными, голодными, ранеными людьми в виде полнокровных героев комедии дель арте...

В этом зале можно увидеть и портрет такой интересной личности, как Лев Рудник. По природе прекрасный администра-

тор, он возглавлял БДТ в самое тяжелое время, в годы войны. К тому же Рудник был статным красавцем, и говорят, у него был роман с самой Марикой Рёкк, кинодивой Третьего рейха.

А вот фотография, сделанная в традиции БДТ 1920-х: художник снят вместе с постановочной бригадой на фоне декорации. Это декорация из спектакля 1926 года «Блоха», который оформлял Борис Кустодиев. Печальный контраст: на фоне такого визуального пиршества сам Кустодиев сидит в инвалидном кресле — и при этом улыбается. И фото передает его силу духа!

— Фото Кочергина с Товстоноговым висит рядом с той фотографией, где Лев Додин репетирует в БДТ «Кроткую», — рассказала Надежда Хмелева. — Перед открытием музея я объяснила Льву Абрамовичу: «Я специально поместила Кочергина между Товстоноговым и вами, ведь он работал и в БДТ, и у вас». И Додину эта идея понравилась.

Отдельная стенка посвящена периоду после Товстоногова и современной жизни БДТ: здесь можно увидеть Кирилла Лаврова, Темура Чхеидзе, Андрея Могучего; фото спектаклей, в разные годы вызвавших резонанс: «Аркадия» Эльмо Ньюгане-

Георгий Товстоногов и Эдуард Кочергин: уникальное содружество.

на, «Федра» Григория Дитятковского, «Алиса» Могучего. На одном из фото Андрей Могучий вместе с Зинаидой Шарко, одной из ведущих товстоноговских актрис, и эта «мизансцена» словно отпечатавала встречу — прошлого БДТ с его будущим. Что за будущее у театра, еще не ясно. Но очевидно, что в поисках новых форм театру нужно беречь свою историю, тем более что у БДТ она долгая и очень насыщенная, о чем и напоминает музей.

Казалось бы, театр и музей — две вещи несовместные. Но в культурном пространстве города появился уникальный театральный музей — со своей концепцией, своим сюжетом, не говоря уж об отдельных артефактах. Странно только, почему сам театр рекламирует совсем другие мероприятия и будто вовсе не заинтересован в том, чтобы петербуржцы узнали об этом событии.

Борис Кустодиев с постановочной бригадой спектакля «Блоха».

